

XX 264
4

КРАСНАЯ НИВА

9

«Красная Нива». Монтаж Наталья Пигус.

Издание «Красная Нива» ЦИХ СССР в декабре 1930

ГУЛЯЙ, ВОЛГА

Главы из романа
Артема Веселого

ЛЕТЕЛА Волга, праздничная да гладкая.

Над Волгой город, в городе торг.
Лавки меховые, прилавки с сукнами, да межлавочья завезших купцов и ремесленников. В черных кузницах сопеки горны, в перегоняшки тюкали молотки, гремели кувалды. Широкие скамьи были завалены калачами, крепеделами и пудовыми масляными пирогами. От рыбных пылашей несло вонью, крутили носами проходившие именитые горожане.

Теледеныкали на церквах колокола и колокольца. Крепкий хмель бродил в толпе.

Ряд шорный, ряд бондарный, ряд горшечный, ряд блинный. Дымилась ямы дегтярей и смодокуров. Бочки квасные, корчаги с киседами. Божба торговых людей и крики охрипших за день азывал.

Баба-ворожея гадала на бобах, две девоньки-подруженьки глядели ей в рот и от страху дух не могли перевести. Высоко взлетали качели с хохочущими девками и парнями.

Кровоуек ржавой бритвой отворил кровь стрельцу. Старуха продавала наговорную траву. Поводыри водили слепцов. Подзали калек и нищие, голося песни скорые и песни растяжные.

До ушей перемазанный купоросными чернилами подъячий в долгополом, оборванном собаками кафтане и в шапке клином набивался за медный трешник хоть на кого настрочить жалобу, кляузу или донос.

Табунами прохаживались нарядные девки, грызли сладкие рожки и пощелкивали орехи.

Одну зазававшуюся девку окружили бурлаки. Буян Ивка ухватил ее за груди и крикнул:

— Роба, ведьму пымал.
— Отзынь, прод.
— Ведьма.
— Што ты, што ты, — отбивалась дэвка. — Я скорняка Балухина дочка.
— Рассказывай... Али забыла, видались мы с тобой на Зудиловой горе?
— Пусти, змей.
— Ведьма.
Загоготали:

— А ну, погляди, нет ли у ней хвоста?
Ивка обלאил ее, завернул юбки на голову и, шленнув по румяному заду, крикнул:

— Крещена.
Плачущую девку отпустили, а сами со ржаньем и шутками гурьбой повалили в кабак.

Окруженные стражей стрелецкой брели колодники, выиравивали подальше и под звон и грём кандалный со скорым причетом и завывом распевали псалмы и жалобы.

Гнем мы и чахнем в стенах тюрьмы,
Нас гложут и душат нечадия тьмы...
Не виден закат нам, не виден восход,
Люди-братия, пожалейте сирот...

Кто бросит тюрьмарям пирог обкусанный, кто — яблочок заедок, кто чего.

Молчаливые монахи, приехавшие из дальних заволжских скитов, толкались в народе, выменивая товары на иконы и книги рукописные.

В тени каменной церковной ограды на дорожных сумах отдыхали седые от пыли бездомки. Над костром в котелке булькал и пенился грязным паваром шулом — жиденькая кашница размазни. Полунагой нескладень-парень выжаривал над огнем вшей из рубахи.

— Гнь, бесоциас, натрясешь тут мне, — отгоял его еуетившийся у котла юркий старичишка.

Парень ухмыльнулся:
— Наваристее будет... С говядиной.

Старик хлестнул его горячей мутовкой по голой спине. Парень с воем отскочил, ногтями соскоблил прикипевшую к спине кашу и с'ел ее.

— У-у, обלאзень, — угрозил ему старик.

Рядом переобувался мужик с козлиной мордой и глазами, полными печали и кротости.

— Отколь бредете, старинушка? — спросил он.
— Из Калуги, родимый.

— То-то, слышу, разговор у вас тихий, расейский. Тутонный народ буен, и голося у всех рыкающие.

— С благовещеньева дня идем, отоцали.
— Далоче?
— Самы не ведаем, куда глаза поведут.

— Што у вас?
— Не спрашивай, милостивец.

— Туго?
— И-и-и, не приведи бог.

— Голодно?

— Чего не голодно: оков ржи пятнадцать алтын, овса оков десять алтын. Которы с семьями, помолясь, в Литву побрели.

— Худо.
— А вы чьих земель будете?
— Мы, отец, костромские.

— Куда путь правите?
— На низ, бурлаковать.
— Как у вас?
— Глад и мор. Маеся народ.

— Ишь ты...
— Погами вот разбился, затосковались мои ноженки...

— сказал мужик и пылью присыпал созревшие язвы.

— Прошлым летом налетел в наши края белый червь, дотоло невиданный: сам гол, головка мохнатенька, а похож на мотыля. И такая-то его насунула тьма — ни реки, ни огонь не сдержали. Об'ел нивы, траву в лугах, мох на болотах, листья древесную и иглы ельные. Старого и малого страх ума об'ял. Подняли мы иконы, раскрыли могилы праведников, кинулись строить церкви... За тяжкие прогрешения отвратил господь от нас лик свой. Земля почернела, деревья посохли, всякая подзающая и бегаящая тварь сгнбла, разлетелась птица. Осень еще перебывались кое-как. У кого был зама-сец — под'едали липовый лист, древесную кору и молотую рыбью кость. Зима пришла и смерть с собой привела.

Жрали кошек, собак и глину. Человечи, посямав кресты с шеи, жрали человек. От голоду и морозу на улицах и по дорогам многие умирали, и некому было хоронить мертвых.

— Страсти, — перекрестился старик и, выхватив из огня котелок, позвал парня, глазевшего на торг. — Елишка, шулюм простынет.

— Простынет к завтрашнему в брюхе, — ответил Елишка, подходя и отвязывая от пояса большую обкусанную ложку.

— Пододвигайся, похлебай с нами горяченького, — пригласил старик костромского.

— Спасет Христос.

Мужик вывязал из мешка окаменевшую ржаную горбушку, круто посолил ее и вздохнул:

— Идем, бредем, и конца краю нет земле русской, а жить нашему брату-сиволюдаю негде и не при чем. Хлеба много, а жевать нечего... Дивны дела твои, господи.

И все трое припали над котелком.

Со свистаньем и воплями шлялась по торгу буйственная ватажка скоморохов, глумпов и смехотворцев. Бороды мо-чальные, маски лубяные раскрашенные, плетеные из соломы островерхие колпаки и высокие, наподобие боярских, шапки. Гуслеры на гусельках брэнчали, гудошники в гудки гудели, а дудошники на липовых да камышевых дудках выговоры выговаривали. Иные в сурьмы выли, иные в накры и бубен били, иные кувыркавшем народ потешали. А впереди-то в поддевке-разлетайке, легок на ногу, притопывал и на губах подыгрывал уклюжий плясунок Славка Ярец.

Народ за позорами валом валит:

— Рожа-то, рожа?... Во, рожа, всем рожам рожа.
— Гляди, Сысой, вон того ровно вражищи трясут.

— Свят, свят...
— Провальные...
— Ухваты-ребяты.

— Дивовица, брат...
Заскорузлые руки разматывали портянки, доставали из-под штанин медяки и кидали в бубен, с которым шел по кругу ученый медведь.

Ватага остановилась перед рыбной лавкой:

Уж как купчине Ядреюшке
Слава,
Чадам и потомцам евоным
Слава...

Рыбный купец Ядрей вынес им тухлого судака:

— На игрищи вы люты, на дело вас нет.
Ярец швырнул судака через голову купца в лавку:

— Сам жри.

Позоры принялись петь срамные песни: девки и бабы из рыбного ряда разбежались. Кривой мальчишка-глумен ухитрился поджечь Ядрею бороду, после чего ватажка, взяв грав, двинулась дальше.

Верхом на раскормленной лошади проезжал по торгу сын боярский Пантелей Чупятый с челядью и потешался тем, что разбрасывал на все стороны польской чеканки монету, которой, по слухам, он привез с войны два воза. Народ кидался за монетами в драку-собаку, давя и калеча друг друга.

На помосте палач сек мужика.

Кругом тесно стояла темноликая притихшая толпа. Многие, чтоб умилостивить палача, бросали на помост деньги.

Окровавленный кнут, расчесав мясо, хлестал по костям. Стоны мужика помалу затихали.

На голос заплакала баба.

Толпа загудела и придвинулась.

— Стой! — рявкнул угрожающий голос гусака бурлацкого Мамыки. Своим богатырским ростом он возвышался над всеми, кудри лежали на его непокрытой голове в три ряда, бобровая борода была полна рещев и соломы. — Стой, душегубец!

Народ качнулся, занумел:

— Забьет, на смерть забьет...

— Кровопивцы.

— Ахти нам, православные, всех переведут!

Голова стрелецкий зыкнул:

— Эй, борода, не баламуть народ.

Мамыка оттолкнул его и полез на помост.

Налач шагнул навстречу, играя каутом:

— Куда прешь, неумытое рыло?

— Не костери, ты меня не корми.

— Сойди прочь.

— Силой не хвалюсь, я тебя не боюсь.

— Цыц.

— Ударь, попытай.

— Держись.

Кнут хлестнул, еще хлестнул,

и еще.

Толпа ахнула.

Мамыка стоял недвижно. Посеченная в ленты рубаха сползала с его крутых плеч. Потом он поймал палача за руку и выломал ему руку в локте.

— Бей приказных!

— Дави псов!

Под напором многих плеч помост затрещал и повалился. Толпа взвыла, смяла стрельцов и устремилась громить торжище. Из лавок полетели меха, сувои сукои, связки сушеной рыбы и грибов.

Ярыжки, будто по уговору, бросились громить кабаки, выкатывали боченки и тут же, высадив днище, пригоршнями и шапками расчерпывали вино.

Колодники камнями сбивали с ног деревянные и железные оковы. Сразу там и сям запылали дома.

Над городом взмыл сплошной звон, ударила вестовая пушка. Ко двору воеводы сбегались и скакали стрельцы, на ходу разматывая с ружейных замков просаленные тряпки.

— На Волгу! — прогремел призыв Мамыки, и он торопливо зашагал к берегу, унося на руках засеченного в полусмерть мужика.

— На Волгу!

— По стругам!

За Мамыкой бежали бурлаки, ярыжки кабацкие, колодники, бездомки и побродимы гулящие.

2

Плыли, кормясь рыбной ловитвой и отвагой.

3

4

Гремит и блещет Волга с ветра пьяна. Нагве скалы нависают над быстринью, как недодуманные думы. Волна громит, качает берега. Под бурями и грозами невозмутимо стоят широкоплечие дубы, похожие на мужиков в праздничных кафтанах.

Ветер выдувал паруса.

Простор просил песни.

Ночуй, ночуй, Дунишка,

Ах, да ночуй, лобушка.

Ты ночуешь у меня,

Подарю, дружок, те я...

Ах, да ты ночуешь у меня,

Ээх, да подарю, дружок, те я,

Подарю дружку сережки

И серебряные...

Подарю дружку сережки

И серебряные,

А другие золотые

Со подвесочками...

Ах, да я другие золотые

Со подвесочками,

И на славуску пойду,

Жемчужные куплю...

Ээх, да я в разбой пойду,

И жемчужные куплю...

Соглашалась Дунишка

На Ивановы слова...

Ах, да соглашалась Дунишка

АВ, да на Ивановы слова,

Ах, дождалась Дуни спать

На Ивану кровать...

Ээх, дождалась Дуни спать

На Ивану кровать,

Мало Дуни поспалошь,

Много виделось-я-я...

Волны, играя пенными завитушками, шли дружным строем. Тяжелые струги бежали косяком.

— Яры, — показал Мартыян в сторону, — омуты да узмы, само место, чертям притов...

— Ну-у?

— Да-а-а... Проидывали тут низовские атаманы Тришка Помело да Федор Гурлень и, поутай их бес, заварили замятно, передрались и потопили все. Довыне по ночам из-под каряг стон слышен.

— Царство небесное, вечный покой, — перекрестился Иван Бубенец.

— А воп и Соколинные горы. За ними легла Уса-река да речка Усолка, а в ней соляные ключи бьют.

Плескалась Волга в крутых берегах. Намытые корни свешивались в воду, как бороды вросших в землю богатырей. С горы, подобна ручейку, стекала каменистая тропа.

Гулебники, задрав головы, глядели на Девичью тропу, когда со сторожевой, пущенной вперед будары махальный закричал:

— Ватарба-а-а...

На стругах зашевелились.

— Харч.

— Добыча.

Ярмак:

— Вали матты...

Паруса упали.

— На весла.

В весла сели свежие смены гребцов.

Струги скрылись у берега в талах.

С приверху, вывернувшись из-за мыса, самым строжнем спускалась расшива. Жирно высмоленные бока ее лоснились под солнцем. За рудем стояли двое в цветных рубашках.

— Ружья на борт, разбирай кистени, готовь топоры, — негромко сказал Ярмак и, выждав время, махнул шапкой.

Плеснули весла

струги бежали на переём.

— Рзи!

— Сильно.

— Взяли.

— У-ух...

На расшиве чугунный колоколец забил тревогу. На палубу высыпали косматые холуп в дерюжных зипунах и нарядные на путину для обереганья стрельцы в голубых кафтанах. У пного в руках бердыш на длинном черене, у пного штебель, а то и ружье.

Атаманова каторга бежала ходко.

С борта расшивы сверкнул огонь, ухнула пушка. Казаков обдало брызгами и картечью.

— Гей, холудй, не балуй! — погрозил Ярмак пушкаря.

— А не то, люль люли, тебя первого заеду башкой в дуло пушечье и дам полный заряд, штоб твоя проклятая дуна до самого ада летела с громом.

— Поберегись, злыдень! — ответил пушкарь и снова выстрелил.

Картечь хлестнула и качнула каторгу так, что она бортом хлебнула волну.

— Навались!

Гребцы вваривали во-всю. Взмокшие рубахи обтягивали их взмыленные спины. Горячие пасти были раскрыты.

— Качай, покачива-а-ай...

Остатка Лаврентьев схватил кожаное ведро и принялся окачивать гребцов.

Расшива блеснула и гремела огнями. На передних стругах уже крихтали раненые. Стреляли и казаки. Сближались. Наконец, Куземка Злычой изловчился и метнул на расшиву веревку с крюком.

Рывок, и атаманова каторга у цели.

С криком и гаем бросились на приступ. Кто взбирался по рудю, кто по горбам товарищей.

Расшиву завернуло, паруса заполоскали. Вмиг подлетели остальные струги.

— Сарынь!

— Шары на пазы!

— Дери царанай!

Купец Лучинников в длинной холщевой рубашке и с непокрытой головой метался меж людей и вадымал над собой икону:

— Выручай, отцы-святители... Не поддавайся, молодчки...

Дезли, матерились.

Есаул Евсюга свергнулся в воду с разрубленной головой. Отсеченная топором лапа Берсея осталась на борту расшивы, а сам он свалился за есаулом. Опрокинулся один струг. Но казаки уже вломились на палубу и схватились в рукопашную.

Расшива взята и разграблена, защитники ее перебиты. Скоро она медленно поплыла вниз по воде, завертываясь в полотнища пламени и в клубы смолистого дыма. На высокой мачте раскачивался удаленный купец, и над ним поскрипывал и бойко вертелся жестяный ветряной колдушник.